

Проводив старого доктора Сюя, Юй Цзюцюэ сказал, что снова хочет спать.

Цинь Ся поправил ему одеяло, поставил у изголовья крохотную курильницу и зажёл успокаивающее благовоние, купленное в лавке. В нём был агар, а это недешёвое удовольствие, но, смешанный с дягилом и гвоздикой, он наполнял комнату ароматом, который действительно успокаивал душу. Юй Цзюцюэ попробовал его однажды, и с тех пор в доме всегда держали запас.

— Я буду на кухне. Если проснёшься и захочешь воды, просто открой окно и позови меня, — сказал Цинь Ся, а затем добавил, — Если ты сейчас заснёшь, обед, скорее всего, пропустишь. Но к вечеру я приготовлю для тебя что-то хорошее. Купил грудинку, а мясник Го ещё и свиную ногу с костями в подарок дал. Хочешь чего-нибудь сладкого?

Юй Цзюцюэ, когда плохо себя чувствовал, всегда ощущал горечь во рту. Он кивнул, не отводя от мужа взгляда.

— Хочу. А ещё хочу поджаренные ломтики маньтоу.

Он знал, что Цинь Ся обожает, когда он сам заказывает блюда.

И точно — стоило ему сказать, как на лице мужа заиграла улыбка.

— Раз есть аппетит, значит, всё в порядке. Проснёшься — поджарю. Маньтоу в доме полно.

Он рассказал Юй Цзюцюэ, что ночью, измученный тревогой и не имея возможности сразу сообщить в ямен, боялся сойти с ума от беспокойства.

— Чтобы занять себя, я пошёл на кухню и поставил парить маньтоу. В итоге сделал две огромных корзины.

Юй Цзюцюэ усмехнулся:

— А я вчера только и думал, как бы поесть этих мягких булок.

Цинь Ся наклонился и поцеловал его.

— Значит, мы и правда пара — мыслим одинаково.

После этого он тихонько вышел, аккуратно прикрыв дверь. Чтобы Дафу не шумел, он забрал его с собой. А вот белую кошку, спавшую в лежанке в гостиной, не стал будить. Она появилась у них два дня назад, с заметно округлившимся животом. Судя по всему, искала место для

родов. В саду водились другие коты, так что, когда она забиралась в дом, Цинь Ся и Юй Цзюцюэ никогда её не прогоняли.

— Пойдём, Дафу, заглянем в задний двор.

Огород требовал ухода: нужно было полить растения, вырвать сорняки. Цинь Ся не использовал много удобрений — не переносил их запах. Ему не нужно было выращивать что-то выдающееся, просто не хотелось, чтобы земля пустовала. Вырванные сорняки он кинул в курятник.

Дафу тоже подобрал травинку, но тут же её выплюнул. Этот гусь уже давно стал привередливым. Теперь он ел только свежие зёрна, овощные листья, рыбу и креветок. Иногда даже искал вместе с курами насекомых в огороде.

Не найдя еды у Цинь Ся, Дафу с важным видом удалился на другую сторону двора, гордо вышагивая по своей территории.

Цинь Ся, закончив с огородом, отряхнул руки от земли. Так как Юй Цзюцюэ спал, он не стал звать Дафу, а просто молча набрал воды, вымыл руки и отправился на кухню.

Юй Цзюцюэ захотел сладкого и поджаренных ломтиков маньтоу, но вечером планировалась обильная трапеза, и это поставило Цинь Ся перед небольшой дилеммой. Он ходил туда-сюда между кухонной столешницей и шкафами, разглядывая запасы и размышляя, что бы приготовить.

Хотя его кухня была не слишком просторной, по разнообразию продуктов она ничуть не уступала домам семей Сун или Сан. Одних масел здесь было несколько видов, не говоря уже о дюжине различных специй в банках и целых пакетах сушёных приправ. В шкафах хранились сушёные овощи, соевые продукты, морские деликатесы — всё вместе около десятка наименований. На балках висели копчёное мясо, колбасы, вяленые куры и зайцы. На стене красовались два вида сушёного перца и связка чеснока.

Тут из переулка донёсся протяжный голос:

— Продаю свежее коровье и овечье молоко!

Цинь Ся услышал это и вдруг вспомнил, что мог бы приготовить.

Как раз в кармане оставались деньги после утренних покупок. Он схватил чистый кувшин, распахнул дверь и вышел на улицу, успев перехватить торговца.

— Покажите коровье молоко.

Продавец быстро поднёс к нему коромысло с двумя большими кувшинами — в одном было коровье молоко, в другом овечьё. Коровье молоко стоило немного дешевле. Обычно овечьё покупали для младенцев, а коровье брали кто для чего.

— Всё свежее, без примесей! — заверил продавец.

Цинь Ся кивнул:

— Да, молоко у тебя хорошее. Я раньше уже покупал. Потом хотел взять ещё, но больше тебя не встречал.

— Ох, господин, вы разбираетесь! — мужчина расплылся в улыбке. — Видите ли, молока каждый день немного. Иногда в деревне рождается ребёнок, семья сразу делает заказ, и мне просто нечего продавать в городе. Но если вам нужно, можете прийти на скотный рынок и найти моего дядю, его зовут Пань Цзэн. Если передадите ему весть, он скажет мне, и я принесу молоко в нужный день.

Он наполнил Цинь Ся кувшин, после чего двинулся дальше по улице. Цинь Ся, держа ёмкость с молоком, вернулся на кухню и потёр руки. Теперь он хотел попробовать сделать сгущённое молоко. Если получится, можно будет добавить новое блюдо в меню ресторана — поджаренные маньтоу со сгущёнкой.

Кроме того, сгущённое молоко хранилось лучше, чем обычное, а значит, можно было бы предложить сотрудничество Син Имину. Может, он согласится закупать партию для продажи в своем магазине?

Процесс приготовления сгущённого молока напоминал жареное молоко: трудоёмкий и требующий времени. В обычные дни у Цинь Ся не было бы на это ни минуты. Сначала он вылил молоко в керамический горшок и довёл до кипения на сильном огне, затем уменьшил пламя и дал ему закипеть ещё три раза. На поверхности появилась молочная плёнка, которую он аккуратно снял. На этом этапе молоко уже было готово к употреблению, но Цинь Ся добавил в него много тростникового сахара и продолжил уваривать, не переставая помешивать. С добавлением сахара жидкость начала густеть. Он поочерёдно менял уставшие руки, пока на лице не выступил пот. Тогда он присел, вытащил из печи несколько поленьев и уменьшил огонь.

Через некоторое время молоко, наконец, превратилось в густую, похожую на пасту массу — сгущёнку.

Он взял чистую палочку, зачерпнул немного и попробовал. Вкус получился насыщенным, молочный аромат стоял густым облаком, а сладость была в самый раз.

Аккуратно переложив сгущённое молоко в чистую чашку, он оставил его остывать. Когда оно загустеет, намазывать на маньтоу будет ещё удобнее.

Даже у Цинь Ся после такого утомительного помешивания начало ломить плечи. На этом этапе он окончательно отказался от идеи продавать сгущёнку в ресторане. Столько труда ради крохотной чашки! За такую цену никто покупать не станет.

Вздохнув, он взял низенькую табуретку и вынес её во двор, решив немного передохнуть, перебирая овощи. Две кошки подбежали, заинтересовавшись корзиной с гороховыми побегам. Цинь Ся взял один, подразнил их, и вдруг одна из них действительно его съела. Он удивился, затем протянул ей ещё один.

Полуденное солнце заливало двор тёплым светом. Уставший Дафу свернулся калачиком возле Цинь Ся, похожий на белый пуховой клубок.

Цинь Ся, перебирая зелень, прикинул: ему ещё надо вскипятить воду для купания. Но если Юй Цзюцюэ проснётся к ужину, уже стемнеет, так что с этим можно не торопиться.

В комнате Юй Цзюцюэ несколько раз перевернулся с боку на бок, но в итоге всё равно сел. Окно спальни выходило во внутренний двор. Сквозь стену он мог смутно слышать, как Цинь Ся хлопочет снаружи. Закутавшись в одеяло, он посидел какое-то время, пока не услышал, как кто-то скребётся в дверь.

Он приоткрыл дверь, и в щель тут же протиснулась белая кошка с округлившимся животом. Она мяукнула дважды, затем запрыгнула на туалетный столик и снова улеглась.

Вероятно, из-за скорого материнства эта кошка стала невероятно ласковой — гораздо больше, чем та трёхцветная, которая неизвестно где произвела котят на свет и после этого исчезала на целые дни, приходя лишь поесть.

Юй Цзюцюэ несколько раз провёл рукой по мягкой шерсти. Почувствовав под ладонью тепло её тела и ритмичное движение живота, он вдруг задумался.

Спустя мгновение его взгляд остановился на сундуке у изножья кровати. Бумага, спрятанная там, становилась слишком опасной. Теперь, когда память вернулась, её следовало уничтожить. Он прислушался, проверяя, чем занимается Цинь Ся, и убедился, что тот не войдёт в комнату, пока он официально не «проснётся».

Подойдя к сундуку, Юй Цзюцюэ взялся за крышку и рывком открыл её. Его брови тут же нахмурились. Одежду внутри явно трогали. Его сердце сжалось, а рука, тянувшаяся к вещам, начала предательски дрожать.

Пытаясь взять себя в руки, он крепко схватился за край сундука, перевёл дыхание, затем резко вытащил изнутри одежду, в которой была спрятана бумага.

Одно это движение дало ему понять, что тайна раскрыта.

Холодный пот выступил на спине. Юй Цзюцюэ развернул ткань, достал тонкий сложенный лист и развернул его. Складки на бумаге немного отличались от тех, что были раньше. Он невольно отступил назад и тяжело опустился на край кровати. На мгновение показалось, что даже дышать стало невозможно.

Буквы на бумаге были записаны бегло и небрежно. Посторонний, скорее всего, не смог бы разобрать их. Но Цинь Ся — исключение. Когда он в спешке записывал в ресторане расходы и доходы, почерк становился таким же, но муж всё равно понимал написанное.

А учитывая его ум, ему и не нужно было разбирать всё целиком. Достаточно было понять хотя бы половину, чтобы догадаться, что скрывал его супруг.

Юй Цзюцюэ почувствовал, как сердце гулко забилось, будто готовилось выпрыгнуть из груди. Сжимая в руках этот проклятый лист, он продолжал размышлять. Он спрятал бумагу здесь потому, что вместе с ней хранились его нижние рубашки. Несмотря на то, что они были супругами, Цинь Ся никогда не трогал этот сундук, боясь случайно запачкать его личные вещи.

Значит, когда?..

Ответ пришёл мгновенно.

Вчера.

Вчера он внезапно исчез. Цинь Ся давно подозревал что-то о его прошлом. В панике, не зная, что делать, он, вероятно, решил проверить, нет ли дома каких-то зацепок.

Бумага в его руках словно обжигала.

Достав бумагу, он изначально собирался её уничтожить. Но теперь, зная, что тот, от кого он так старательно это скрывал, уже видел её, Юй Цзюцюэ вдруг почувствовал, что в этом больше нет смысла.

В горле встал ком, в груди словно повис тяжёлый камень, тянущий его в ледяную бездну. Он сидел неподвижно долгое время. Когда, наконец, очнулся, бумага в его руках была вся смята, а за окном уже сгустились сумерки — должно быть, прошло не меньше полчаса.

Разогнув спину, он ощутил ноющую боль в пояснице и затёкшие ноги. Размяв их кое-как, он с трудом поднялся и вернулся к кровати.

Белая кошка всё ещё спала на туалетном столике. Юй Цзюцюэ аккуратно разровнял бумагу на свободном участке, затем положил её в ящик и, откинув одеяло, снова лёг.

Он заставил себя успокоиться и начал мысленно считать время.

Когда он убедился, что Фан Жун и Лю Доуцзы, пришедшие на ужин, не смогут заподозрить ничего странного, он натянул верхнюю одежду и поднялся с кровати.

— Муж, что у нас сегодня на ужин? Давай готовить вместе.

Цинь Ся в этот момент как раз собирался опаливать свиную ногу. Услышав голос, он обернулся и увидел, что Юй Цзюцюэ проснулся.

Быстро бросив ногу обратно в таз, он ополоснул руки в чистой воде.

— Когда ты встал? Почему не позвал меня? — он бросил взгляд в сторону двора. — Или звал, а я не услышал?

— Да я уже взрослый, неужели мне звать тебя, чтобы просто проснуться? — Юй Цзюцюэ говорил легко, беззаботно. — Выспался, открыл глаза, а в комнате уже темно. Вот и встал.

Но некоторые вещи нельзя было скрыть от того, с кем делишь одну подушку. Цинь Ся лишь мельком взглянул ему в лицо и сразу понял, что тот вовсе не спал. Следы усталости в глазах не исчезли, как бы он ни старался это скрыть.

Однако Цинь Ся не стал это озвучивать. В их браке, основанном на взаимном согласии, такие «маленькие обманы» были лишь способом сохранить покой в доме. Не потому, что им было всё равно. Напротив — потому что они слишком сильно заботились друг о друге.

— Тогда умойся, — спокойно сказал Цинь Ся. — Я сделал кое-что новенькое, попробуешь, когда вернёшься.

— Что именно?

Цинь Ся улыбнулся, но не ответил:

— Скоро узнаешь.

Юй Цзюцюэ пошёл за водой. После целого дня в постели он чувствовал себя липким и неудобным.

Как только он вышел, Цинь Ся тут же начал нарезать остывшие маньтоу. Обычно на завтрак он обмакивал ломтики в яичную смесь перед жаркой, но сегодня они должны были хрустеть, чтобы лучше сочетаться со сгущёнкой.

Он разогрел достаточное количество масла в сковороде и начал обжаривать ломтики с одной стороны. Масло зашипело, громко потрескивая, и этот звук тут же спугнул Дафу, который бродил у двери.

Когда одна сторона стала золотистой, он перевернул ломтики и взял ложку, намазывая их тонким слоем сгущённого молока. Оставалось лишь дожидаться, когда вторая сторона обжарится, чтобы карамелизированная сгущёнка слегка запеклась.

Он приготовил пять кусочков с молочной глазурью, а ещё пять оставил без неё — их можно было макать в сгущёнку прямо перед едой.

Когда Юй Цзюцюэ вошёл в кухню, его встретили две тарелки золотистых, аппетитно пахнущих ломтиков маньтоу.

— Почему ты их отдельно разложил? Эти для крёстной и Доуцзы?

Цинь Ся принёс к столу чашку с густым, молочно-белым кремом.

— Нет, это два разных способа подачи. Сначала попробуй этот. Я сам сварил сгущёнку.

— Сгущёнку? — Юй Цзюцюэ, уловив аромат молока, тут же оживился.

— Из коровьего молока, — подтвердил Цинь Ся.

Он макнул кончик палочек в сгущёнку и поднёс Юй Цзюцюэ. Тот высунул язык и осторожно слизнул каплю.

— Ммм, сладко!

Причём это была не такая сладость, как у патоки или мёда, и даже не такая, как у жареного молока, приготовленного раньше. Вкус был бархатистым, тянущимся, оставляющим на языке приятное послевкусие.

— Вкусно, — Юй Цзюцюэ с одобрением кивнул и даже лизнул губы, напоминая маленького хищного зверька, который украдкой полакомился чем-то вкусным и теперь с гордостью этим хвастался.

Цинь Ся тут же почувствовал, что его труды были не напрасны.

— Когда у меня будет время, попробую сделать молочные ириски. Вкус будет похожий, но храниться будут дольше.

При этой мысли он снова задумался о возможном сотрудничестве с Син Имином.

Передвинув табуретку, Цинь Ся предложил Юй Цзюцюэ попробовать маньтоу.

— Вот эти я обжарил с уже намазанной сгущёнкой, а эти без ничего — можно макать в нее перед едой. Если сладкое надоест, могу подать солёные закуски.

Юй Цзюцюэ не успел ответить — за него заговорил его желудок, предательски заурчавший.

Цинь Ся усмехнулся:

— Ешь, а я пока займусь свиной ногой.

— А ты ел? — Юй Цзюцюэ прищурился.

Увидев, как тот покачал головой, он взял палочками кусочек и протянул:

— Тогда первую попробуй ты.

Цинь Ся не стал отказываться, откусил и оставил на ломтике большой неровный след. Прожевав, он утвердительно кивнул:

— Вкусно.

С этими словами он попросту утащил маньтоу себе, оставив Юй Цзюцюэ с пустыми палочками.

Только после этого тот сам взял чашку и, не спеша, начал есть. Он попробовал и тот, и другой вариант, а на кухонной полке осталось ещё несколько нетронутых кусочков.

— Когда крёстная и Доуцзы придут, пусть сначала этим перекусят, — заметил он.

Убедившись, что Цинь Ся уже обо всём подумал, Юй Цзюцюэ закатал рукава и принялся помогать с готовкой.

Цинь Ся, оглядев всё, поручил ему сварить восемь яиц.

— Потом сделай на них неглубокие надрезы — добавлю в тушёное мясо. Будут яйца с «тигровой шкуркой».

Юй Цзюцюэ открыл корзину, выбрал яйца и спросил, снесли ли куры сегодня ещё.

— Два, я уже убрал их в кладовую.

Тем временем Цинь Ся обжигал свиную ногу на пламени, пока её поверхность не покрылась тонким слоем чёрной копоти. Затем аккуратно соскоблил обугленный слой и, поднеся к свету, тщательно осмотрел, выскивая оставшиеся волоски и выщипывая их.

Они вдвоем хлопотали у плиты, и к вечеру пришли Фан Жун с Лю Доуцзы, принеся с собой гостинцы.

— Хотели зайти пораньше, но боялись, что ты ещё отдыхаешь, не хотелось мешать, — сказала Фан Жун, протягивая бумажный свёрток. — Попробуйте, это я испекла слоёные лепёшки с финиковой пастой.

Юй Цзюцюэ принял угощение и сразу почувствовал, что оно ещё горячее, значит, только что из печи.

— Такие лепёшки лучше есть с пылу с жару, тогда они самые вкусные, — добавила она.

Цинь Ся взял свёрток, а Фан Жун, потянувшись на цыпочках, нежно обняла Юй Цзюцюэ.

— Ах, мой дорогой мальчик, как же ты натерпелся...

У него защипало в глазах, но он быстро улыбнулся:

— Не волнуйтесь, крёстная, доктор уже приходил, сказал, что всё в порядке. Даже лекарств не прописал.

Фан Жун немного успокоилась, но всё же повернулась к Цинь Ся:

— Это правда?

— Правда, — кивнул он. — Я ещё утром пошёл в «Чэн И Тан» за старым доктором Сюем. Вы ведь знаете, он давно следит за здоровьем А-Цзю.

Фан Жун окончательно выдохнула:

— Ну и славно. Говорят, мелкие беды отводят большие. Раз всё позади, не будем больше об этом.

Похищение — это не та тема, которую стоит лишний раз поднимать. Боясь, что Юй Цзюцюэ может снова разволноваться, она быстро сменила тему.

Юй Цзюцюэ проводил их в главную комнату, затем зашёл на кухню, чтобы принести жареные маньтоу, горячую воду и выложить лепёшки на тарелку, не забыв оставить одну для Цинь Ся.

— Крёстная велела, чтобы ты тоже поел, пока они горячие.

Раз Фан Жун уже здесь, она, конечно же, захотела, чтобы Юй Цзюцюэ сопровождал ее для разговора, а помогать на кухне отправился Лю Доуцзы.

— У нас сегодня тушёная свинина с яйцами с тигровой шкуркой, свиная нога с соей, овощи и свежая зелень — всё уже вымыто. На гарнир маньтоу, — перечислил Цинь Ся, а затем, прищурившись, спросил: — Ну что, как твои успехи в готовке?

Лю Доуцзы честно признался:

— Мать говорит, что я посредственный повар. Не то что до тебя, даже до неё ещё далеко.

Затем он смущённо усмехнулся:

— Но я недавно зажарил курицу и отнёс семье Мэн. Мэн-гер потом пришёл с матерью к нашему ларьку и сказал, что было вкусно.

Цинь Ся только покачал головой:

— Уверен, даже если бы ты сжёл её в уголь, он бы всё равно сказал, что вкусно.

Лю Доуцзы снова расхохотался, а потом с любопытством спросил:

— Говорят, что тушёная свиная нога очень полезна для геров. Это правда?

Цинь Ся кивнул:

— Да, считается, что она укрепляет здоровье. Если хочешь научиться, займись этим блюдом. Я буду подсказывать, а сам пока займусь тушёной свининой.

Лю Доуцзы тут же загорелся энтузиазмом. Пока он следовал указаниям, Цинь Ся занялся яйцами с тигровой шкуркой. Сваренные яйца аккуратно очистил от скорлупы, следя, чтобы они не соприкасались с водой. Когда масло в котелке достаточно разогрелось, он опустил яйца и начал их переворачивать, пока белок не покрылся морщинистой, пузырчатой корочкой.

Затем он приступил к тушёной свинине. Масла в котёл не добавлял — при нагревании жир сам начал вытапливаться из мяса. Когда в сковороде появилось достаточно жира, он отодвинул куски мяса в сторону, освободив место, и всыпал туда тростниковый сахар.

Когда сахар карамелизовался до янтарного оттенка, он обвалил в нём мясо. Кусочки моментально приобрели аппетитный румянец и заблестели в жире, источая невероятный аромат.

Лю Доуцзы, тем временем, дошёл до того же этапа со своей свиной ногой. Цинь Ся мельком взглянул и поправил:

— Ещё рано. Сейчас кажется, что цвет уже тёмный, но сахар пока не прилипает как следует. Подожди немного, но не передержи, а то подгорит.

Лю Доуцзы, затаив дыхание, продолжил помешивать. Только когда Цинь Ся сказал «в самый раз», он облегчённо выдохнул и добавил в сковороду свиные ноги.

Затем в оба блюда отправились специи и приправы, и они начали тушиться.

Когда за окнами стемнело, ужин был готов.

Кроме мясных блюд Цинь Ся обжарил сердцевины капусты и чесночные стрелки с вялым мясом, а также приготовил остро-кислую картошку. Суп с фрикадельками он переделал на бульон с консервированными яйцами, решив, что мяса на столе и так в избытке.

— Мы ведь пришли навестить больного, а в итоге оказались в настоящем пиршестве! — воскликнула Фан Жун, едва сев за стол.

Глядя на разнообразные блюда, её глаза тут же засветились.

— Теперь Ся-эр совсем как придворный повар! Кто бы мог подумать, что я, простая старуха, когда-нибудь поем такую же еду, как самый богатый человек в уезде Цинань!

Юй Цзюцюэ с улыбкой разложил каждому приборы, а Цинь Ся поставил в сторону тарелку с маньтоу.

— Какая уж тут придворная кухня... Это просто обычный ужин. Будь ты хозяином особняка или простым человеком, все едят одно и то же — мясо, овощи, злаки. Еда не делает нас ни выше, ни ниже.

Вдруг он вспомнил кое-что:

— Кстати, семья Сун передала нам немало продуктов. Когда буду устраивать банкет в ресторане, приготовлю «Будду, перепрыгивающего через стену».

— «Будда, перепрыгивающий через стену»? Это тоже блюдо?

Цинь Ся перечислил ингредиенты, от чего у Фан Жун глаза полезли на лоб.

— Боже правый! Да это же целое состояние! Ты лучше продай это в ресторане, не трать на нас!

Но Цинь Ся лишь спокойно ответил:

— Какой в этом смысл? Если никто из посторонних не сможет его попробовать, то почему родные тоже не должны?

Юй Цзюцюэ, поставив перед Фан Жун тарелку с супом, усмехнулся:

— Крёстная, если Цинь Ся сказал, что сделает, значит, так и будет.

Фан Жун только вздохнула:

— Ладно уж, раз так, придётся мне снова пожить на широкую ногу!

После этого разговоры утихли, и все сосредоточились на еде.

Лю Доуцзы, откусывая большой кусок маньтоу, пробормотал с набитым ртом:

— Брат Ся, твои маньтоу такие вкусные! Даже если разогреть, всё равно мягкие!

Разломив ещё один, он положил внутрь кусок мяса и откусил, чувствуя, что его душа вот-вот вознесется на небеса.

Юй Цзюцюэ тоже ел маньтоу. Домашние булочки пахли пшеницей и были упругими, приятно тянулись при разжёвывании. Цинь Ся разогрел целых десять штук: по два для себя и Лю Доуцзы, один для Фан Жун, а оставшиеся пять — как раз для Юй Цзюцюэ.

Лю Доуцзы, расправившись с целым маньтоу, набитым мясом, всё ещё не мог насытиться.

— Мне кажется, если продавать такое, обязательно найдутся покупатели.

Он давно работал на уличном лотке и уже мог примерно определить, какие блюда могут приносить прибыль.

Цинь Ся проглотил кусочек и сказал:

— Знаю одно похожее блюдо, называется «жоуцзямо» — мясо в печёной лепёшке.

Лю Доуцзы тут же воскликнул:

— Подожди, брат Ся! Как накоплю денег, тогда и куплю у тебя рецепт!

Фан Жун уже готовилась было пнуть его под столом, но, услышав это, отложила затею. Похоже, сын не зря работал всё это время — голова стала соображать лучше.

Однако на одном лотке много еды не продашь.

— Это и семья Мэн так думает, — пояснила Фан Жун. — У них есть небольшая лавка в городе, хотят оставить её в качестве приданого для Мэн-гера. После свадьбы он сможет открыть там маленькую забегаловку. Лавка тесновата, столы туда не поставит, так что торговля будет, как на лотке: еда навынос.

Цинь Ся кивнул, прикидывая в уме:

— Это даже лучше. Продукты на лотке быстро портятся, к тому же на улице торговля зависит от погоды. А так — крыша над головой. Главное, начать с малого, а со временем можно будет переехать в место побольше, когда денег будет больше. Крёстная, Доуцзы, если решитесь, приходите ко мне, вместе обсудим. Мы же одна семья, не будем делить друг друга на «своих» и «чужих».

Тут Юй Цзюцюэ вдруг спросил:

— Крёстная, а когда свадьба у Доуцзы?

— В начале зимнего месяца, — ответила Фан Жун. — Семья Мэн хотела бы поддержать его ещё несколько месяцев, но возраст уже подходит. Если тянуть до весны, будет не к месту.

Юй Цзюцюэ на мгновение задумался. Прошлой зимой он только встретил Цинь Ся. А этой зимой, вероятно, уже не сможет побывать на свадьбе Лю Доуцзы. Жизнь течёт, как луна в небе: то полная, то ущербная, никогда не оставаясь неизменной.

Но он быстро отогнал эту мысль и с улыбкой сказал:

— Время пролетит быстро. Нам с Цинь Ся уже стоит подумать, какой подарок приготовить.

После ужина Фан Жун настояла на том, чтобы помочь помыть посуду, и только после этого ушла. На этот раз они принесли свой фонарь, а тот, что Лю Доуцзы унёс вчера, вернули обратно.

Цинь Ся убрал его, а в это время Юй Цзюцюэ занялся нагревом воды для купания.

— Хотя уже почти апрель, по ночам всё ещё прохладно. Надо бы растопить жаровню.

— Ты будешь мыться? — спросил он Цинь Ся.

— Неохота возиться с двумя вёдрами воды. Просто оботрись.

— Тогда я помоюсь первым, а потом помогу тебе вымыть волосы.

— Договорились.

Мыть голову тёплой водой было проще, да и высыхали волосы быстрее у тёплой жаровни.

Цинь Ся занялся другими делами, а Юй Цзюцюэ, наполнив купальную бочку, ушёл в комнату. Когда он закончил, Цинь Ся уже лежал на кане, положив голову на край.

Он почувствовал, как Юй Цзюцюэ распустил его волосы, и длинные пряди мягко погрузились в тёплую воду. Аромат мыльных бобов окутывал воздух, а тонкие пальцы мягко массировали кожу головы.

По идее, в такой момент мысли Цинь Ся должны были улететь в совершенно другую сторону. Но вместо этого он напрягся. Он знал Юй Цзюцюэ слишком хорошо.

Сегодня ночью его супруг, вероятно, собирался что-то сказать.

*Тушеная свинина и яйца с тигровой шкуркой 虎皮鸡蛋 虎皮

Свинные ножки с соевыми бобами □□□□

Жареные маньтоу со сгущенкой □□□□

<http://bllate.org/book/13601/1206067>